

И. В. Бреус
Россия, г. Барнаул
Алтайский государственный университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент Е. Г. Романова

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ»

Аннотация

В статье рассматривается пространственно-временная организация романа А. и Б. Стругацких «Град Обреченный». В романе использована сложная пространственно-временная модель, тесно связанная с идейно-философской концепцией текста.

Ключевые слова: время, пространство, хронотоп.

Аркадий и Борис Стругацкие – русские писатели-фантасты, проложившие свой особый путь в советской научной фантастике и оказавшие влияние на мировую литературу. Их воздействие на ее развитие, особенно в СССР, трудно переоценить.

Роман «Град Обреченный» считается одним из самых трудных для понимания текстом Стругацких, поскольку его авторы поднимают и пытаются решить множество «вечных» вопросов. Можно сказать, что и пространственно-временная организация имеет свою специфику, обусловленную решением тех задач, которые Стругацкие обозначили в тексте.

Действие романа происходит в городе, не имеющем названия. Пространство города, на первый взгляд, ничем не отличается от любого другого городского ландшафта. Однако некоторые элементы пространства говорят об искусственности описанного мира. Город протяжен с севера на юг и представляет собой неширокую полосу земли между бесконечно высокой стеной и бесконечно глубоким обрывом. «Юг» и «север» – условные ориентиры; за юг принимается направление к солнцу, за север – противоположное направление. Искусственность солнца подчеркивает искусственность всего мира. Солнце представляет собой огромный светильник, который включается и выключается четко по расписанию. С течением времени город передвигается все дальше к югу, оставляя за собой руины. Это передвижение обусловлено поиском пригодных условий для жизни, в частности, воды. Люди, живущие в этом городе, вовлечены в эксперимент, о котором никто ничего не знает. На протяжении всего романа вопросы о начале, сути и целях эксперимента остаются без ответа. Основной темой для размышлений и разговоров жителей города являются два вопроса: что собой представляет город (иначе говоря, где же находятся участники эксперимента) и каковы цели этого эксперимента?

Время и пространство в романе постоянно трансформируются, и герои романа о мире Эксперимента знают столько, сколько и читатель. По мере

развития действия происходит расширение пространства.

Биографическое время представлено историей жизни главного героя Андрея Воронина. С начала романа данный тип времени развивается линейно, хотя и присутствуют отсылки к прошлой жизни главного героя.

«И тут он вспомнил, что он не звездный астроном, а следователь прокуратуры...» [5, с. 94];

«—Ты какого года? -спросил Давыдов. – Двадцать восьмого. – А из России когда? – В пятьдесят первом. Всего четыре месяца назад» [5, с. 41].

Эта ретроспекция позволяет разделить время жизни главного героя на до и после попадания в Эксперимент. В поле эксперимента время развивается линейно — от прошлого к будущему. Но в конце романа, когда герой попадает обратно домой, в 1951 год, время становится цикличным.

«Еще минуту назад все это было не таким, как сейчас, – гораздо более обыденным и привычным. Оно было без будущего. Вернее — отдельно от будущего...» [5, с. 382].

Во время нахождения героя в пространстве Эксперимента с обычным линейным временем происходят изменения. Можно отметить эпизод, в котором солнце перестало работать и суточное время перестало существовать:

«Реальной была тьма, двенадцатый день стоящая над городом...» [5, с. 163];

« – А солнце?- спросил Андрей. – Зачем вы его выключали? – Наставник стиснул руки и прошелся взад-вперед по вестибюлю. – Да не выключали мы его! – проговорил он с тоской. – Авария. Вне всякого плана. Никто не ожидал» [5, с. 196].

Не менее показательным является другой эпизод, когда линейное время развивается для разных людей по-разному, становится относительным. Для той группы, которую Андрей возглавлял в разведывательной операции казалось, что прошли сутки, а на самом деле прошло несколько дней. Мы видим разную скорость течения времени

«Андрей перечитал записи дважды. Да, Кехада, ты этого хотел. Чего хотел, то и получил. А я все на Пака грешил, царство ему небесное... Он, прикусив губу, зажмурился, когда перед глазами его снова встала раздутая кукла в синей выцветшей куртке, и вдруг до него дошло: тридцать второй день. Как – тридцать второй? Тридцатый! Вчера я записывал за двадцать восьмой... Он торопливо перебросил страницу. Да. Двадцать восьмой... И трупы эти раздутые – они же лежат уже несколько суток... Господи, да что же это?.. Один, два... Какое же сегодня число? Ведь мы же сегодня утром ушли!» [5, с. 353].

Кроме этого, в шестой части романа «Исход» для героев не существует времени, они бредут по пустыне, не зная, как долго они находятся в дороге. Таким образом, можно отметить, что линейное время в романе, развиваясь от начала к финалу, меняется. Начинается оно как простое линейное, а к концу превращается в сплошное безвременье через ряд превращений, таких как отсутствие различенья суточного времени, разноплановость и разноскоростность времени. И в финале – полное его отсутствие. Можно

предположить, что само течение времени было сделано организаторами Эксперимента для экспериментируемых ими людей, потому что люди привыкли разделять свою жизнь на отрезки времени. Время в эксперименте является чисто иллюзорным и просто обозначает отрезки жизни людей. По своему характеру экспериментальное линейное время является завершенным, т. е. заканчивается на том, что герой попадает в свое историческое линейное время.

Стоит сказать об историческом времени в романе. Оно, во-первых, представлено эпизодами жизни героя. В таком случае является значимой композиция романа, который состоит из шести частей, в каждой из которых представлен один фрагмент из жизни героя: он – мусорщик, он – следователь, он – редактор газеты, он – советник президента, он – исследователь пространства Эксперимента. Но в последних главах романа дается представление о всем размахе Эксперимента – на севере находятся руины городов, которые существовали задолго до описываемых событий.

- Это откуда ты взял, что Эксперимент длится недолго? – перебил его Изя с насмешкой. – Эксперимент длится лет сто, не меньше. То есть он длится наверняка гораздо больше, но просто за сто лет я ручаюсь.

- А ты откуда знаешь?

- Ты на север далеко заходил? – спросил Изя.

Андрей смешался. Он понятия не имел, что здесь вообще есть север.

Ну, север! - нетерпеливо сказал Изя. - Условно считаем, что направление на солнце, та сторона, где болота, поля, фермеры - это юг, а противоположная сторона, в глубину города - север. Ты ведь дальше мусорных свалок нигде и не был... А там еще город и город, там огромные кварталы, целехонькие, дворцы...

- Он хихикнул. – Дворцы и хижины. Сейчас там, конечно, никого нет, потому что воды нет, но когда-то жили, и было это "когда-то", я тебе скажу, довольно давно. Я там такие документы в пустых домах обнаружил, что ой-ей-ей! Слышал про такого монарха, Велиария Второго? То-то! А он, между прочим, там царствовал. Только в те времена, когда он там царствовал, здесь, – он постучал ногтем по столу, – здесь были болота и вкалывали на этих болотах крепостные... или рабы. И было это не меньше, чем сто лет назад» [5, с.73-74].

Можно выделить особый тип времени – время испытания главного героя Андрея Воронина. Вначале, в первых частях романа, происходит испытание моральных качеств главного героя. В конце же «Града обреченного» герой проходит и через нравственные и через физические испытания. Так, в город он прибывает двадцатитрехлетним коммунистом, твердо верующим в великое дело Сталина. Он работает мусорщиком и уверен, что суть эксперимента – построение коммунизма в городе. Таким мы видим его в первой части романа. Во второй части произведения его профессия – следователь. Андрей впервые задумывается о том, может ли прекрасная цель (построение светлого будущего) оправдывать жертвы, приносимые ей. Он отказывается от жертв и одновременно совершает предательство по отношению к своему приятелю Изе Кацману. Третья часть романа – время перемен в жизни Андрея. В городе происходит революция, и он становится свидетелем ужасов, которые она влечет

за собой. В четвертой части герой уже находится на вершине власти, и мы видим, что сытая жизнь имеющего власть человека умертвила его совесть и приостановила его духовное развитие. Это – тупиковый путь. Однако в пятой части Андрей получает возможность выйти из этого тупика. Он становится главой геологической экспедиции, целью которой является разведка местности и сбор космографических данных за чертой города. Герой не сворачивает с пути, несмотря на трудности похода и на провал экспедиции. Его задача – дойти до Нулевой точки, до начала мира. В шестой части Андрей продолжает свой путь вдвоем с Изей, не зная точно, куда и зачем он идет, не зная, вернется ли. Герой находится в состоянии поиска истины, веры, вновь давшей бы ему твердую почву под ногами. И коренным образом Андрей меняется в финале. Он проходит самое экзистенциальное испытание – смертью. Это последняя граница, преодоленная героем.

О. А. Бондарь считает, и мы с ней согласны, что «до этого момента [когда герой покидает город] ход исторического времени не прослеживается, оно неподвижно, а Андрей и не подозревает, как долго длится Эксперимент или сколько лет существует Город. Лишь в экспедиции время приходит в движение. Чем дальше герои уходят на север, тем глубже погружаются в историю: Андрей и Иза находят древние артефакты, целые разрушенные города, поселения, замки. Эта дорога на край света является исторической ретроспективой. И неслучайно Андрей обретает знание, или понимание, лишь после этого погружения – ведь никакое знание невозможно без исторической памяти. В мире Города время и пространство образуют синтез, и дорога является реализацией метафоры «ленты времени» [2].

Организация пространства в романе «Град Обреченный», также как и время, имеет свою специфику.

Важнейшей характеристикой пространства романа является его замкнутость и изолированность. Границы в романе четко выделены: это бесконечно высокая Стена и бесконечно глубокий Обрыв, которые замыкают город в кольцо в искривленном пространстве. И то, что падает с обрыва, спустя некоторое время возвращается обратно, упав со стены. С другой стороны пространство в романе является безграничным: происходит расширение границ по мере развития действия. Сначала это только пространство города, где живет и работает главный герой. Но потом выясняется, что кроме города далеко на юге есть болота. А дальше герои узнают, что и границы города тянутся очень далеко. А в конце оказывается, что существует и Хрустальный дворец – место, где исполняются мечты, и древние руины, а дальше – пустыня и центр мира – точка перехода в реальный, лишенный эксперимента мир. Герои не понимают, что сам город и есть дорога.

«Солнце было в зените. Медный от пыли диск висел в центре белесого, нечистого неба, убудочная тень корчилась и топорщилась под самыми подошвами, то серая и размытая, то вдруг словно оживающая, обретающая резкость очертаний, наливающаяся чернотой и тогда особенно уродливая. Никакой дороги здесь и в помине не было - была бугристая серо-желтая сухая

глина, растрескавшаяся, убитая, твердая, как камень, и до того голая, что совершенно непонятно было, откуда здесь берется такая масса пыли» [27, с. 362];

«Это было в Хрустальном Дворце, они только что поели курятины, жаренной под давлением, и теперь лежали на ярких синтетических матрасиках на краю бассейна с прозрачной подсвеченной водой» [5, с. 366].

В романе представлен хронотоп границы. Границы в романе четко выделены: это бесконечно высокая Стена и бесконечно глубокий Обрыв, которые замыкают город в кольцо в искривленном пространстве, а также нулевая точка – одновременно начало и конец описанного мира. Пространство оказывается максимально замкнутым, несмотря на его кажущуюся масштабность. Но в финале романа эти границы размыкаются. Андрей, дойдя до Нулевой точки, умирает и оказывается в другом мире – в Ленинграде 1950-х годов, в своей квартире.

«Он [Андрей] потянул пистолет из кобуры. Пистолет зацепился. Стало страшно. Он дернул сильнее, потом еще сильнее, потом изо всех сил. Он ясно увидел резкое движение того, что шел ему навстречу (рослый, ободранный, изможденный, до глаз заросший нечистой бородой)... Глупо, подумал он, нажимая спусковой крючок. Был выстрел, была вспышка встречного выстрела, был - кажется - крик Изиды... И был удар в грудь, от которого разом погасло солнце...

– Ну, вот, Андрей, – произнес с некоторой торжественностью голос Наставника. – Первый круг вами пройден» [5, с. 382].

Произошедшее преодоление границы – явление не только пространственно-топографическое, но и временное. Кроме того, пересечение границ является одним из этапов становления Андрея, его переходом на новый духовный уровень. Все это и является доказательством наличия хронотопа. Герой меняется не только в финале романа, он духовно и нравственно взрослеет на протяжении всего произведения. От главы к главе изменяются его взгляды, убеждения, мировоззрение. Последняя граница, преодоленная героем – это его смерть.

Помимо хронотопа границы в романе есть еще хронотоп дороги. Город представляет собой дорогу, путь, на который встают люди разного пола, возраста, различных национальностей, вероисповеданий, люди, попавшие в Город из разных эпох. И кем бы они ни были до попадания в город, сейчас они оказываются в одинаковом положении, погрузившись в атмосферу подавленности и неопределенности. Все они – участники загадочного Эксперимента. Движение героев по этой дороге становится сюжетной метафорой их жизненного пути. Бахтин пишет, что «для романа прежде всего характерно слияние жизненного пути человека (в его основных переломных моментах) с его реальным пространственным путем-дорогой, то есть со странствованиями» [1, с. 248]. Ярче всего проявляется это слияние во время геологической экспедиции Андрея к Нулевой точке. До сюжетного этапа – экспедиции – пространство ограничено пределами обитаемого города, во время

экспедиции же пространство значительно расширяется.

Дорога особенно выгодна для изображения события, управляемого случайностью (но и не только для такого). Этот хронотоп играет важную роль в становлении героя. Но в отличие от бахтинского хронотопа у Стругацких в романе не происходит каких-либо переломных встреч. В прежних частях города герои встречают людей: корейца Пака, Немого, Мымру и других, - но эти встречи не оказывают какого-либо достаточного влияния на мировоззрение героев, встреченные не дают им полезных советов, они просто сопровождают героев, преследуя какие-то свои цели. Но зато герои встречают много необычных явлений, например, Хрустальный дворец и др. Можно предположить, что эти встречи являются соблазнами для героев, призванные отвратить их от избранного пути. В дороге к нулевой точке переплетаются судьбы Изи Кацмана и Андрея Воронина, двух разных по своим политическим, социальным, культурным взглядам людей, но неизвестно, встречали ли они в своем путешествии других людей. В итоге различия между героями преодолеваются.

Весь город представляет дорогу. В главе «Господин советник» Андрей видит следующую картину:

«Над обрывом каждый человек чувствовал себя странно. Причем у всех, по-видимому, возникало здесь одинаковое ощущение, будто мир, если глядеть на него отсюда, явственно делится на две равные половины. К западу — неоглядная сине-зеленая пустота — не море, не небо даже — именно пустота синевато-зеленоватого цвета. Сине-зеленое Ничто. К востоку — неоглядная, вертикально вздымающаяся желтая твердь с узкой полоской уступа, по которому тянулся Город. Желтая Стена. Желтая абсолютная Твердь.

Бесконечная Пустота к западу и бесконечная Твердь к востоку. Понять эти две бесконечности не представлялось никакой возможности. Можно было только привыкнуть. Те, кто привыкнуть не мог или не умел, на обрыв старались не ходить, а поэтому здесь редко кого можно было встретить» [5, с. 222].

То есть герой видит, но не понимает, что город представляет собой дорогу. Впоследствии он пойдет по ней, но так и не осознает, что Град — дорога, по которой нужно идти, чтобы выйти за грань эксперимента и вернуться в свой мир.

Как говорит А.Б. Есин, «на литературу 20 века повлияли естественнонаучные концепции времени и пространства, связанные с теорией относительности Эйнштейна, которые наиболее полно освоила фантастика» [3, с. 210]. По теории относительности Эйнштейна, время и пространство взаимосвязаны. Материальная Вселенная имеет три пространственных измерения: вверх-вниз, направо-налево и вперед-назад. К нему добавляется еще одно измерение — временное. Вместе эти четыре измерения составляют пространственно-временной континуум. И пространство, и время воспринимаются по-разному в зависимости от скорости движения объектов. Опираясь на эту теорию, можно объяснить эксперименты Стругацких со временем. Например, почему, когда Андрей Воронин вышел из храма, прошло

уже несколько дней.

А. И. Николаев о параллельном времени и пространстве говорит следующее: «Современное эстетическое сознание все настойчивее осваивает еще одну модель. Четкого названия для нее нет, но не будет ошибкой сказать, что эта модель допускает существование параллельных времен и пространств. Смысл в том, что мы существуем по-разному в зависимости от системы координат. Но в то же время эти миры не совсем изолированы, у них есть точки пересечения. Литература XX века активнейшим образом использует данную модель» [4]. С точки зрения мифологии нулевая точка или ось мира – это место и время, где все началось. И герои находят эту точку. Они имеют возможность перейти в другую вселенную, противоположную той, где они живут, антивселенную. Ну или Антигород в противовес Городу. Герои преодолели, разорвали узы обычной жизни, поэтому недаром последняя часть романа называется «Исход». Исход героев из Города напоминает библейский исход евреев из Египта, которые, согласно Библии, преодолели множество препятствий на пути к земле Обетованной. И тогда становится символическим то, что главного героя в его странствиях сопровождает еврей Изя = Иосиф.

Начало мира и само путешествие через и по пустыне можно объединить еще в один хронотоп, который вслед за Бахтиным А. И. Николаев (и мы вместе с ним) называет хронотопом нулевого времени и пространства. Исследователь пишет, что такую модель «еще называют неподвижной, вечной – вариантов здесь очень много. В этой модели время и пространство теряют смысл. Там всегда одно и то же, и нет различия между «здесь» и «там», то есть нет пространственной протяженности. Исторически это наиболее архаичная модель, но она и сегодня весьма актуальна. На этой модели строятся представления об аде и рае, она часто «включается», когда человек пытается представить себе существование после смерти и т. д.» [4]. Как это видно в тексте романа «Град обреченный», в конце своего пути герои бредут по пустыне и уже не различают ни времени, ни пространства, да и различий между ними нет. Нет каких-либо протяжений пространства:

«Ничего здесь не было, давно уже ничего здесь не было. А может быть, и никогда. Солнце, ветер, глина» [5, с. 363].

Как пишет Николаев, после этого «герои в конце концов оказываются в мире вечного блага и покоя» [4], но это нельзя сказать про Андрея Воронина. В финале он оказывается в своем мире и времени, скорее всего перед ним опять встанут те проблемы, которые он преодолел в мире Эксперимента, но теперь он должен избежать тех ошибок, которые допустил.

Отдельно можно выделить локус Града, который напоминает собой бахтинский хронотоп провинциального города. Такой городок – место циклического бытового времени. Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бывания». Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь. Из дня в день повторяются те же бытовые действия, те же темы разговоров, те же

слова и т. д. Люди в этом времени едят, пьют, спят, имеют жен, любовниц, мелко интригуют, сидят в своих лавочках или конторах, играют в карты, сплетничают. Это обыденно-житейское, циклическое бытовое время. Таким и представлен Город в первых главах романа «Град обреченный». Повторяются одни и те же события, за исключением мелких неприятностей наподобие нашествия павианов или отключения солнца. Но и с этими небольшими «приключениями» жители Города быстро справляются, а вернее встраивают в свой мирок. И жизнь продолжается, как и прежде. Попытки Фрица изменить жизнь к лучшему ни к чему не приводят. После революции люди продолжают жить в своем мире. Кто-то лучше вроде начальства, кто-то как прежде. Здесь Стругацкие воспроизводят типичное современное общество – общество потребления: все сыты и по преимуществу довольны сложившейся ситуацией. Случаются мелкие неприятности, каким, по мнению официальной власти, является самоубийство Дэни Ли, которые власть пытается свести к нулю. И научная экспедиция, направленная на изучение пространства, также связана с этими же причинами. Но в скором времени люди, которые в ней участвуют, всеми силами пытаются вернуться обратно, в свой привычный мирок, где нет ничего необычного, где все просто и понятно. А ходячие статуи, необъяснимая жара на севере и тому подобное напоминают им о непонятном Эксперименте. Провинциальный город представляет собой обычный тихий город, люди в котором не стремятся разомкнуть границы обитаемого пространства и времени. Волею случая преодолеть эти границы получается у Изи и Андрея, которые устремились к нулевой точке.

Локусу Города в романе «Град обреченный» противопоставлен локус пустыни. Пустыня, по которой движутся герои к своей цели, представляет собой место испытания. Как испытание пустыня неоднократно встречается в мировой литературе. Даже в творчестве самих братьев Стругацких, например, в ранней повести «Страна Багровых Туч», где, преодолевая венерианскую пустыню, Быков становится сильнее в своих нравственных и физических качествах. Совпадает и то обстоятельство, что с ним был его друг Юрковский (если не брать в счет лежащего в беспмятстве Дауге).

Пространство Града можно сопоставить с адом или чистилищем. Ад как принцип возмездия – вне конфессий. Поэтому мы видим здесь людей разных национальностей и вероисповеданий, а также тех, кто вообще вне таковых – материалистов и атеистов.

В пространстве города особое место занимает загадочный образ Красного Здания. Изя Кацман называет его «бредом взбудораженной совести». Учитывая, что каждый видит там свое, происходящее с Андреем внутри посредством фантазмагорических образов иллюстрирует сомнения героя и обозначает вектор его духовных устремлений. Красное Здание – это отправная точка на следующий круг ада, или граница очередного испытания.

Тогда второе явление Андрею Красного Здания (часть 4, «Господин Советник») символизирует, собственно, духовную энтропию героя, остановку в развитии, сытую удовлетворенность. Он застаёт внутри запустение, пыль,

паутину, мертвый запах.

«Теперь здесь всегда так будет, – думал Андрей. Что-то я сделал такое, что-то мы все сделали такое, что теперь здесь так будет всегда. Оно больше не сдвинется с места, оно навсегда останется здесь, оно будет гнить и разрушаться, как обыкновенный дряхлый дом, и в конце концов его разобьют чугунными бабами, мусор сожгут, а горелые кирпичи вывезут на свалку... Ведь ни одного же голоса! И вообще ни одного звука, только крысы в отчаянии пищат по углам...» [5, с. 277].

Таким образом, пространственно-временная организация романа представляет собой соединение нескольких хронотопов: хронотопа дороги, хронотопа границы. Причем хронотоп дороги является ведущим. Все пространство Эксперимента строится как дорога, по которой должен пройти испытуемый. На этом пути героя ждут разные препятствия, преодолевая которые герой развивается. В конечном итоге он, преодолев все препятствия, возвращается в свой родной мир, где скорее всего его ждут новые испытания. Теряя в веру в свои ценности, герой не обретает новых, их он должен будет обрести в дальнейшем. Он покидает пространство и время Эксперимента и оказывается в той точке, из которой попал в мир Эксперимента.

Используемая литература

1. Бахтин М. М. Эпос и роман; Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975, 648 с.
2. Бондарь О. А. «Град обреченный» А. и Б. Стругацких: пространственно-временная организация и жанровое своеобразие // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Ч. 2. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 66-74.
3. Есин А. Б. Время и пространство // Введение в литературоведение: под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. Школа, 2004. – 680 с.
4. Николаев А. И. Анализ художественного пространства и времени. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.listos.biz/филология/николаев-а-и-основы-литературоведения/анализ-художественного-пространства-и-времени/> – (дата обращения 31.05.16).
5. Стругацкий А. Н. Град обреченный. – Ленинград: Худож. Лит., 1989. – 384 с.